

ма! Квинтэссенция хамства, некий обобщенный образ Его Величества Хамства возник в спектакле, когда Роман — Воронов подмигивал своему племяннику и покровительственно трепал его по плечу: «Котуешь, Славка?.. Что святое лицо делаешь — котуешь, говорю?» Эти заголенные по локоть волосатые руки с татуировкой, этот вывалившийся живот, обтянутый майкой-сеточкой, эта мечтательная полуулыбка — полуотрыжка мясника-моралиста, убежденного всеми клетками, что все в мире происходит по законам свинства, эти загоревшиеся глазки борова... «Котуешь, Славка?» Как это удалось актеру с режиссером (а спектакль ставил Анатолий Эфрос) вывести Романа на такое мощное, прямо-таки потрясающее мощное обобщение? Честное слово, когда роль эта писалась, я даже не предполагал в ней столько динамита обобщения. Но при этом Роман Воронова на редкость конкретен, на редкость единственный на свете! Он как-то совершенно неповторимо ходил, говорил, жестукировал, раздражался, свирепел, этот дядя Роман. Почти физически казалось, что он уходит не в кулисы, а дальше, в комнаты или за дорогу, к электричке. Живой до жути, до наваждения!..

И вот этот зрительный зал ненавидел его Романа истоно, как можно ненавидеть, пожалуй, только в юности. Все они, мальчишки и девочки, в едином — таком отчаянном, таком дружном! — порыве как бы соединились душой, становились на время хотя бы, но, бесспорно, единым целым.

Дело в том, что для них в отличие от взрослых, умудренных жизненным опытом зрителей все откровения артиста-мастера воспринимались как первозданные жизненные открытия. Как на свежей магнитной ленте все звуки ложатся особенно остро и четко, так на этот зрительный зал ложились впечатления бытия. И от того донесешь ли ты, артист, до этих юных сердец какие-то важные тебе самому истины, от того, сможешь ли ты передать им свою личную любовь, ненависть, боль, свои вопросы, — от этого буквально, в самом непосредственном значении этого слова, зависит в чем-то очень важном завтрашний день твоих молодых зрителей: их дела, поступки, повороты мысли...

Вот что я понял, когда смотрел на артиста Воронова в роли Романа в своей пьесе. И когда видел его в роли Бориса Годунова и в роли Фамусова из «Горя от ума», и в героической роли Шванды из чешской сказки «Волынец из Стракоши», и в злом волшебнике Раване из индийской сказки, и в Кочкареве из гоголевской «Женитьбы», и в генерале Клере из «Молодой гвардии». И во многих других ролях.

Наверное, что-то подобное про себя, про свою личную жизнь в искусстве и про дорогую сердцу зрительный зал Центрального детского театра давно понял и прочувствовал и сам Иван Дмитриевич. Он не теоретизирует, не произносит высоких слов — просто каждый день вот уже более тридцати лет делом доказывает свое осознанное, сердцем избранное право художника и гражданина учить своего зрителя любить и ненавидеть. За право вести зрителя за собой — этих мальчишек и девчонок в зрительном зале.

Кроме большой творческой работы, Воронов отдает много сил и времени общественной работе. Он главный член художественного совета театра, член Комитета по Государственным премиям РСФСР, входит в состав редколлегии журнала «Театральная жизнь», представляет советский детский театр в международной организации — АССИТЕЖ.

Говорят: «Лучшее наследство, которое мы можем оставить детям, — хорошее воспитание». Можно ли заниматься более прекрасным делом, чем приумножать это наследство? Не знаю наверняка, но думаю, что Иван Дмитриевич Воронов всегда хочет играть эту священную роль — воспитателя юных.

Народный артист РСФСР
И. Воронов.

Фото В. Кузнецова.

люди искусства

ОТГАДКА В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

В. РОЗОВ

Зима 1942 года. А может быть, 43-го — забыл. Я в Костроме у отца, явился в отчий дом на костылях после госпиталя... А жажда жизни, может быть, сильнее, чем у здорового... В город приезжает фронтовой театр и в Доме офицеров играет «Осаду Лейдена» по де Костеру... Конечно, иду. Тем более мой московский дружок актер Борис Баташов играет Ламме Гудзак... Иду... Смотрю спектакль. Кто это такой молодой, статный и пылкий играет самого Тила? Смотрю в программу: «И. Д. Воронов». Не знаю такого, но нравится. После спектакля зову Баташова в гости.

— Можно я приду со своим товарищем Ваней Вороновым? Честное слово, славный парень.

— О чем речь! Конечно... Есть картошка, по ломтю хлеба... выделю.

Прир!
Прошло много лет (военные годы считайте год за два, а то и за десятилетие), и я уже вижу актера Воронова в театре, что стоит в самом центре Москвы в гордом соседстве с Большим и Малым — в Центральном детском театре.

Почему именно в детском? Непостижимо! Загадка какая-то...

Другое дело, если в театр для детей идет природная травести: куда же еще?.. Понятно, когда ребячливого вида молодые мужчины стремятся попасть на работу в детский театр: тут их ждут роли, много ролей, которых дожидись попробуй в обычном взрослом театре... Сто раз понятно, когда выпускники театральных вузов, сами еще совсем юные ребята и девушки, идут работать в театр с молодежной аудиторией: у них со зрительным залом одни проблемы, один язык, одно дыхание...

Ну, а Воронов-то почему? За 30 лет работы в Центральном детском театре он сыграл около семидесяти ролей. Это много. Но актер таких данных и столь дефицитного амплуа героя и в любом театре имел бы работы не меньше, это же ясно. К тому же, — что греха таить! — по качеству драматургии эти роли могли быть на круг посильнее, поровнее, что ли, чем в детском театре, — без этих резких перепадов от высокой литературы до пьес, заведомо простень-

ких, едва ли не примитивных.

Или, может быть, просто Ивана Дмитриевича, так сказать, закрутила жизнь: осел в детском театре на время, а годы промчались, глядишь — прижился, привык, стерпелся-слюбился, да и некуда кроме податься, не зовут никуда кроме... Да, так случается часто. Но не в данном случае! Хотя бы тот факт, что за все эти годы разные вполне именитые и почтенные творческие коллективы не раз приглашали, звали к себе, сманивали с самыми серьезными намерениями артиста Воронова, решительно опровергает версию «некуда податься». Каждый раз это были лестные, перспективные предложения. Каждый раз в таких случаях Иван Дмитриевич ужасно волновался, советовался с близкими (и чаще всего слышал совет: «Конечно же, иди — с такой фактурой, с таким темпераментом — и вековать в детском театре?!»...), не спал ночь или две и... отказывался от предложения. И оставался в своем Центральном детском.

Бывают люди, которые как бы «ушиблены» детством и детьми. Часу не могут прожить без детишек, играют с ними в пятнашки и свистят в свистульки, заласкивают их и умиляют на них бесконечно — этакне добренькие деды морозы!.. Может быть, Воронов просто из этой размягченной породы?! Вот уж нет! Человек он весьма рациональный, даже жестоватый порой; взгляд цепкий, трезвый, умный; походка собранная, энергичная, как у борца на ринге. Нет, версия о каком-то особом «таянии» артиста при виде младенцев, об умилении, определившей его выбор, тоже, конечно, отпадает. Тогда что же?.. Где искать отгадку?

Думаю, отгадка все же в зрительном зале. В лицах ребят, что смотрят на сцену. Я сам бесконечно люблю этот зал во время спектаклей. Слушаю его, как самую дорогую музыку души. Смотрю на него, как на потрясающий киноэкран. И как бы ни был интересен спектакль, все же самое удивительное — зрительный зал...

В моей пьесе «Неравный бой» Иван Дмитриевич Воронов играл дядю героя — Романа. Это была, по моему, замечательная работа. Ах, как он был похож на всех хамов на свете, этот дядя Ро-